

РУССКОЕ
ВОЕННОЕ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

*Памяти безвременно ушедших из жизни коллег-востоковедов
С.М. Иванова и Р.И. Будрина*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

В последние десятилетия в отечественном востоковедении была проделана серьезная работа по возрождению славных имен российских исследователей Афганистана, труды которых либо были изданы более ста лет тому назад и давно уже превратились в библиографическую редкость, либо по причине публикации закрытого характера еще не стали достоянием широкой научной общественности. В этой связи выход в свет новой работы, посвященной вкладу российских востоковедов, тем более военных, в изучение Афганистана, безусловно, важное событие.

Надо сказать, что обращение к теме военного востоковедения в последнее время — явление естественное. Открывшиеся после 1991 года фонды военных архивов дают прекрасную возможность по достоинству оценить роль и значение русских военных в исследовании Азии. Как известно, именно военные люди в XIX — начале XX веков были пионерами в научном освоении неведомых ранее регионов. К середине XIX века в России организационно оформилась школа военного востоковедения. Об этом свидетельствует целая сеть действующих в то время востоковедных учебных заведений Военного ведомства (офицерские курсы восточных языков при Азиатском департаменте МИД, курсы восточных языков при Николаевской академии Генерального штаба, Ташкентская офицерская школа восточных языков, офицерское отделение Восточного института, а также «азиатские классы» ряда кадетских корпусов и военных гимназий), подготовивших плеяду выдающихся путешественников и исследователей Востока. Огромную научную ценность по сей день представляют труды самих военных ориенталистов, большая часть которых выходила в свет в течение нескольких десятилетий под секретным грифом на страницах целого ряда военно-востоковедных печатных изданий, не ведомых до сих пор современному читателю.

Значение российской военной востоковедной школы осознаешь всякий раз, когда знакомишься с новыми материалами востоковедного характера, содержащими не только военно-политические сведения, но и богатейший научный страноведческий пласт. Здесь мы согласны

с мнением что «подобного общественного института, а в более широком смысле — культурологического явления не было ни в одной европейской стране» (М.К. Басханов, «Русские военные востоковеды. Библиографический словарь», Москва, 2005 г.).

В этом смысле появление книги доктора исторических наук, профессора А.А. Колесникова и востоковеда-историка Афганистана кандидата исторических наук доцента Г.С. Харатишвили продолжает серию уже вышедших в свет работ А.А. Колесникова, подробно освещающих научную деятельность русских военных в Центральной Азии («Русские военные исследователи Азии», Душанбе, 1997 г., «Ош глазами русских путешественников», 2001 г., «Н.М. Пржевальский и русские исследователи Киргизии», Бишкек, 2004 г., «Русские в Кашгарии», Бишкек, 2006 г.).

Надо сказать, что авторы настоящего труда ранее уже предпринимали весьма удачную, на наш взгляд, попытку издания книги под названием «Русские путешественники в Афганистане» (издательство «Дониш», Душанбе, 1988 г.). Новая работа значительно расширяет круг материалов и источников, анализ которых позволяет исследовать конкретный вклад русских военных в изучение географии, этнографии и отдельных моментов исторического развития Афганистана того периода. Большое внимание в книге уделяется описанию путешествий, миссий и экспедиций, а также личностей самих путешественников. Примечательно, что своеобразной данью памяти стало возрождение авторами труда целого ряда имен исследователей, по тем либо иным причинам преданным забвению.

Особое значение имеет публикация фактического материала поездок и экспедиций военных путешественников. Сообщенные ими сведения географического и этнографического характера в значительно меньшей степени подвержены влиянию времени, чем, предположим, данные об особенностях политической жизни Афганистана. Описание народов, населяющих Афганистан, их обычаев, быта, нравов по сегодняшний день представляет большую ценность, поскольку основные типы национального характера, традиционные виды занятий населения претерпели за прошедшее время весьма незначительные изменения.

Представляется, что предпринятое исследование, посвященное истории российско-афганских связей и изучению Афганистана в России, вызовет несомненный интерес не только у востоковедов-афганистов, но и у всех, кто интересуется прошлым и настоящим этой удивительной страны, а также историей отечественного востоковедения.

И.М. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ, академик Российской Академии Наук, доктор филологических наук, профессор

ОТ АВТОРОВ

Изучение Афганистана в России имеет длительную традицию. Особенно много в этом плане было сделано во второй половине XIX — начале XX веков. Научные исследования велись параллельно с решением практических политических задач, когда Афганистан, начиная со второй половины XX века, стал ареной противоборства основных колониальных держав того времени России и Великобритании. Так сложилось исторически, что пионерами здесь стали русские военные. Колоссальная работа, сделанная ими только в той части, которая могла быть записанной и сохраненной для потомства, представляет обширный научный и литературный материал, исчисляемый не одним десятком книг.

В предлагаемом вниманию читателя труде впервые предпринята попытка дать обобщенный обзор миссий, экспедиций и поездок русских военных востоковедов в Афганистан в указанный период времени. Материалы, собранные ими, представляют огромный интерес как в познавательном, историческом, так и в научном плане. Географические сведения о крае, описание народов, населяющих Афганистан, их обычаев, быта, нравов по сегодняшний день представляют большую ценность, поскольку имеют непреходящее значение.

Особая значимость придается публикации непосредственных отчетов, донесений, сообщений и мемуаров военных исследователей. Многие из них ранее были малоизвестны широкому кругу читателей, некоторые публикуются впервые, приводятся также отдельные фрагменты из изданных в свое время, но давно уже ставших библиографической редкостью работ. При их отборе и систематизации, безусловно, не обошлось без незначительных погрешностей, связанных главным образом с отсутствием единообразия в передаче имен собственных, терминов и географических названий, содержащихся в материалах подлинника. По мере возможности подобного рода нюансы снабжены соответствующими комментариями.

Существенным является и такое обстоятельство, как условность географических границ того времени. На описываемый период поли-

тические границы еще не были определены соответствующими договорами. В этой связи объектом описания стали, в том числе, пригинду-кушские владения: Кафиристан, Гилгит, Читрал, Хунза.

Что касается актуальности данного труда, то здесь авторы хотели бы выразить полную солидарность со своим коллегой А.И. Полищуком, заметившему в предисловии к нашему первому опыту подобного издания («Русские путешественники в Афганистане /XIX век/», Душанбе, 1988 г.), что выход в свет такой работы был давно востребован. И причина здесь в том, что знание реалий мусульманской страны, ее народа с присущим ему национальным характером, ее политических, экономических, религиозных и других особенностей и, главным образом, ее исторического прошлого — есть неперемнное условие при принятии ответственных государственных решений, имеющих далеко идущие последствия.

В последнее время интерес к изучению Афганистана растет, выходят в свет новые книги об этой удивительной стране. Вместе с тем представляется, что еще далеко не исчерпан источниковедческий фонд, благодаря которому заполнились бы многочисленные лакуны в изучении края, так долго остававшегося недоступным и неизвестным для европейцев. В этом отношении появление данного труда, по мнению авторов, могло бы способствовать тому, чтобы богатейшие материалы, собранные русскими путешественниками по Афганистану, стали предметом дальнейших исследований.

Авторы считают своим приятным долгом выразить признательность историку-афганисту А.И. Полищуку за его ценные советы и рекомендации по данной теме, а также профессору университета М.К. Басханову, автору уникального библиографического словаря «Русские военные востоковеды», воскресившему в исторической и научной памяти многие славные имена.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Россия и Афганистан: пути к сближению

ГЛАВА I

Из истории российско-афганских отношений

Первые эпизодические торгово-экономические и политические контакты между Россией и государственными образованиями на территории Афганистана существовали еще в XV–XVI веках. Персидский историк Абдар-Резак отмечает о прибытии русских послов ко двору Тимуридского правителя Герата в 1464 г. Позднее, в 1490 г. в Москве побывал посол правителя Герата с предложением «о дружбе и любви», а в 1532 г. — купец из Индии Ходжа Хуссейн, назвавший себя послом Бабура (1483–1530) — основателя государства Великих Моголов¹.

В середине XVI в. после завоевания Казани и Астрахани при Иване Грозном (1530–1584) активизировались сношения России с ханствами Средней Азии и Афганистаном, входившим тогда в состав империи Великих Моголов и Сефевидов. В 1559 г. вместе с экспедицией английского торгового агента Дженкинса, возвращавшейся в Европу после неудавшейся попытки найти удобный путь в Китай через Среднюю Азию, в Москву прибыли три посольства: из Бухары, Балха и Ургенча. Однако официальных контактов тогда установлено не было ни с ханствами Средней Азии, ни с Афганистаном.

По сведениям русского купца Ивана Даниловича Хохлова, собранным им во время посольства в Бухару в 1620–22 гг., в начале XVII в. от рук хивинцев погиб купец Леонтий Юдин, который находился в течение семи лет в Бухаре и Индии².

В тот же период в Москву стали прибывать послы среднеазиатских ханств. В 1642 г. вместе с купцами Москву посетил посланник владетельного хана Балха Ходжа Ибрахим для установления дружественных отношений. Царь Михаил Федорович (1613–1645) в ответной грамоте известил хана о своем согласии на установление связей и развитие торговли с Балхом³.

Серьезный интерес проявился в России к восточным соседям во время царствования Алексея Михайловича Романова (1645–1676).

В 1646 г. царь направил в Персию посольство князя Козловского. Вместе с ним были отправлены и гонцы: казанский купец Никита Сыроежкин и астраханский житель Василий Тушканов. Они должны были далее следовать в Индию и доставить Великому Моголу Шах Джахану (1628–1657) грамоту от московского государя. Однако персидский шах отказался предоставить проводимых русским гонцам, несмотря даже на настойчивые просьбы российского посланника.⁴

В середине XVII в. в России неоднократно предпринимались попытки добыть сведения о кратких, безопасных и удобных торговых путях в Индию через Хивинское ханство и Бухарский эмират. С таким поручением Анисим Грибов дважды ездил в Бухару; Иван Федотов в 1669 г. побывал в Хиве; братья Пазухины, Борис и Семен, в 1670 г. из Астрахани через Мангышлак прибыли в Хиву. В Бухаре они прожили 16 месяцев. Затем через Чарджоу, Мерв и Мешхед они выехали к Каспийскому морю, а оттуда через Баку и Шемаху в 1672 г. возвратились в Астрахань.

Из Бухары Пазухины отправили в Балх своих толмачей Никиту Медведева и Семена Измаила для сбора сведений о путях в Индию. Правитель Балха оказал посланцам дружелюбный прием и разрешил свободно проехать через свои территории. Вернувшись из Балха, Никита Медведев сообщил, что из Балха в Индию надо ехать через «Хенджон» (Хинджан). Оттуда через Парван, Кабул и Пешавар — в столицу Индии Дели. Дорога из Балха «проходит по жилым местам и нет никакого грабительства и налога». Между Хинджаном и Парваном лежат «Индийские горы», т.е. Гиндукуш, и, если ехать прямо через горы, всего шесть дней в пути, а «в объезд около гор» — четыре недели. Примечательно, что толмач Семен Измаил не вернулся из этой поездки домой. Он остался в Кабуле и поступил на службу, получив большое жалование.⁵

Пазухины привезли царю предложение бухарского правителя об обмене послами. Согласно отчету братьев в Средней Азии находилось около 300 русских пленников: 150 человек — в Бухаре, 50 — в Хиве и 100 — в Балхе.

В 1675 г. вместе с возвращавшимся бухарским послом ходжой Фариком в Среднюю Азию были отправлены Василий Александрович Даудов⁶ и казанский мусульманин Мухаммед Юсуф Касимов, подьячий посольского приказа Никифор Венюков и подьячий казанского дворца Иван Шапкин. Они должны были собрать подробные сведения о народах, населявших земли вдоль р. Амударьи. Даудов должен был доехать до Бухары и освободить русских пленников, а Касимов и Шап-

кин — разузнать путь в Индию и добраться к «индейскому восточному шаху» с поручением установить дружественные отношения и заключить торговый договор.⁷

Касимову не удалось добраться до Индии. Он из Бухары через Карши, Келиф и Балх, далее по плодородным афганским долинам Гурбанд, Чарикар и Исталиф прибыл в Кабул. По пути следования ханам или «воеводам» всех городов Касимов преподносил подарки. Так, хану Балха были подарены «сорок соболев во 100 рублей», сукна, зеркала и другие товары.

По примеру Семена Измаила, проживавшего тогда в Кабуле, Касимову также было предложено поступить на службу. Однако он отказался изменить своему государю. Потеряв всякую надежду попасть ко двору Великого Могола Аурангзеба (1658–1707), Касимов продал подарки, предназначенные для падишаха Индии, а на вырученные деньги выкупил 18 русских пленных и в 1677 г. возвратился в Москву.⁸

Отчет Даудова и Касимова, к сожалению, был утрачен, тем не менее сохранившиеся отрывки из путевых дневников содержат немало сведений, в том числе этнографического характера, об узбеках Северного Афганистана и других народах.

При Петре I (1689–1725) был начат систематический сбор сведений об афганцах и Афганистане. Продолжался он и после его кончины русскими политическими деятелями. Эти сведения содержатся главным образом в русских архивных документах XVIII в.

И в дальнейшем интерес к Афганистану в России не ослабевал. Во второй половине XVIII — начале XIX в. между Россией и Афганистаном поддерживались торговые связи, которые осуществлялись главным образом через хивинских и бухарских купцов. Вместе с тем, отдельные русские люди и купцы совершали далекие путешествия в афганские земли с караванами российских товаров.

Так, в 1750 г. из Оренбурга в Кабул был отправлен караван с русскими товарами. Купеческий приказчик Саферов «с товарищами» через Бухару и Андхой прибыли в Герат, испытав в пути немалые трудности, в том числе встречу с грабителями. Из Герата караван добрался до Кандагара. Однако неизвестно, удалось ли каравану побывать в Кабуле, так как все сведения о дальнейшем пути следования каравана отсутствуют. Известно лишь, что в Россию Саферов возвратился через Индию и Турцию.⁹

В 1764 г. ко двору основателя афганской державы Ахмад-шаха Дуррани (1747–1773) был направлен капитан Русской армии Богдан

Асланов. Российский посланец должен был предложить Ахмад-шаху установить дипломатические отношения с правительством России и прислать в Петербург афганское посольство. Были и другие предложения: Асланов должен был пообещать афганскому падишаху русскую помощь в случае военных действий с войсками Цинского Китая. Кроме того, ему было поручено выяснить возможность развития русско-афганской торговли и пути установления торговых отношений с Индией водным или сухопутным путем.¹⁰ Путешествие Асланова длилось около полутора лет. Путь его проходил из Астрахани через Кизляр, Дербент, Баку, Астару и по городам Ирана: Эндели, Решт, Казвин, Кашан, Иезд, Тебес и Мешхед. Осенью 1764 г. он прибыл в Герат и провёл в нём около трех недель, а возвратился из Герата в Астрахань через Мерв, Чарджоу, Ургенч и Мангышлак. Основной цели миссия Асланова не достигла, так как в период пребывания его в Герате Ахмад-шах находился в военном походе в Индии, и Асланов не смог передать ему наказ российских властей. Однако миссия Асланова не была абсолютно безрезультатной. По возвращении на родину он представил царским властям подробные сведения о состоянии торговли в северном Иране, о происходящих событиях в афганском государстве Ахмад-шаха Дуррани, об афгано-китайских отношениях, о событиях в Восточном Туркестане и пр. Что касается возможности организации торговли между Россией и Индией через Астрабад, то Асланов считал это невозможным не столько из-за трудности дальнего пути, но главным образом ввиду нападений туркмен на торговые караваны и грабежи на этих путях.

В 1774 г. татарин Губайдулла Амиров через Бухару попадает в Мерв, а оттуда в Герат и Кандагар. Затем он продолжает путешествие по северной Индии. По возвращении в Россию Амиров служит переводчиком в Оренбурге. Итогом этой поездки явились его записки о «Тракте чрез Бухарию до Калькутты»¹¹. Эти заметки дают представление о занятиях населения, торговле, обычаях и других сторонах жизни посещенных им городов и являются ценным материалом для исследователей.

В 1790-х годах в Афганистане побывал митрополит Новопотраский Хрисанф, оставивший свои записки о Кабуле и Кухистане — горной области Центрального Афганистана. Кроме Кабула он побывал в Кандагаре, Герате и Балхе. Затем из Балха через Среднюю Азию 13 мая 1795 г. он добрался до Астрахани. По повелению Екатерины II в марте 1796 г. митрополит был вызван в Петербург. В то время Россия вела войну с Персией и любая информация могла быть полезной. В Петербурге Хрисанф представил генерал-фельдцейхмейстеру князю

П.А. Зубову свои «Объяснения». В них Хрисанф приводил разнообразные сведения о посещенных им местах.

Так, по мнению Хрисанфа, «Персияне притеснены от Авганов и Озбеков; Авганы завладели многими их местами, а именно Хератом, Кандагаром и почти всем Систаном. Бухария заняла все пространство, лежащее до самого Мешхеда... Астрабат — весьма выгодное для России пристанище, из одного города Российское войско пройдет до Хивы дней восемь или десять в зимнее, однако ж, время, для того, что зимою удобно доставить воду от падавших снегов, летом же земля сия почти безводна¹².

Балх «со времени смерти Надыр-Шаха до сих пор находится под властью Авганского Государя. Крепость Балх лежит на холме, окруженном со всех сторон водою. Она досель сохраняет свою вольность потому, что никто из тамошних кроме Агмет-шаха, преемника Надырова, не мог завладеть оною, и несмотря на то, что стены оной составлены из несженного кирпича без всяких внешних укреплений. Но неприятели, желающие завладеть оною, по неимению пушек не находят довольных способов разбить стены ее; и так, продержав в осаде месяц или два, и удовольствовавшись одним только разграблением принадлежащих к сей крепости окрестных деревень, уходят. Авганцов, охраняющих оную, не более осьми сот человек».¹³

Во многих местах на Амударье, по мнению Хрисанфа, есть «золото, смешанное с песком». Он видел не раз, как золото отделяли от песка при помощи ртуты и нагревания, а в случае «большого наводнения идет и чистое золото песку». В горах же имеется большое количество «бирюзы и других камней». Но местные жители «в бедствии проводят жизнь свою по причине чинимых на них частых отовсюду нападений».¹⁴

Интересные сведения приводит Хрисанф и о Хазараджате — центральной горной стране Афганистана, или Кухистане. «Горы Хазаритов, Татаров, или Коестан высокие, богатые и множеством народа населенные. Часть из них принадлежит Кабулу, Авганскому Государю, а прочие ни во что ставят власть его. Все оные горы преизобильны рудами, но обрабатывать оные некому. Скотоводство у них разного рода нещетное. Из гор вытекают ручьи прохладных и удивительных вод, на вершинах многих из них находятся некогда не истаеваемые снега; у подошв гор и там, где оные как бы разделяются, представляются зрению целые рощи, насажденные от природы разными плодоносными деревьями. Горы сами по себе неудобнопроходимы, жители разных вер, а некоторые последуют Алию».¹⁵ Государь же Кабула «чрезмерно

богат дорогими камнями и жемчугами, денег же не имеет, едва может содержать себя своими доходами. Войска имеет всегда в готовности до двадцати тысяч, а не более. Вкратце сказать, все драгоценные и жемчуги Монгольского государства хранятся у него. Министры, однако ж, его весьма богаты как в деньгах, так и в драгоценностях».

В случае военных действий, повествует Хрисанф, «число войска их может быть собрано до пятидесяти тысяч человек... Ружья их с фитилями... Часть войска вооружена копьями, а другие действуют стрелами. Имеют с собою и пушек несколько, которые, однако ж, поистине вовсе не употребительны по чрезвычайной их тяжести и по неискусству канониров. Главнейшая сила их состоит во многих верблюдах, из коих на каждом прикреплен род фольконета, который сидящий на верблюде всадник оборачивается на все стороны, и в действии сем они довольно искусны, и сия часть войска есть важнейшая у Авганского Государя... Войско его вообще состоит из одной конницы, и все нужное имеет каждый, навьюченное на лошади. То же войско, которое содержится всегда в готовности, составлено из пленников, кои суть остатки от Надыр-шаха, после смерти коего Ахмет-шах Авганец покорил их, похитив государство и все сокровища Надыровы. Сии пленники состоят из Грузинцов, Армян, Персиян, Аравитян и Хамбесов (Абиссинцов); Дурраниды же ... служат при войске волонтирами. И как они добровольно обогатились, то, дорожа жизнью своею, держатся всегда ариер-гарда».

Касаюсь торговой жизни Кабула того времени, путешественник отмечал, что «индейские купцы, находящиеся в Кабуле, столь чрезвычайно богаты, что многие из них имеют по два, по три, по пяти и по десяти миллионов капитала; есть также и из Авганских начальников многие богатые. Вся торговля тамошних краев состоит в руках Индейцев, кои в промыслах своих имеют всевозможную защиту и охранение от главнейших Авганских начальников и от самого Государя их. Кабул преизобилует натуральными продуктами и скотом. Народ тамошний большею частью кочует в аулах с стадами своими подобно Киргис-Кайсаков.»¹⁶

Архивные материалы дают возможность узнать, что и в начале XIX в. в России предпринимались попытки наладить торговые отношения с Афганистаном и даже оказывать покровительство афганским купцам. Так, командующий на Сибирской линии генерал-лейтенант Г. Глазнев писал графу Н.П. Румянцеву 15 ноября 1813 г., что по повелению его сиятельства он направил находившегося при нем переводчика, титулярного советника Кульмаметия Мамедярова с тремя казаками «в авганские владения с письмом». Письмо содержало пред-

ложение о «возстановлении с авганею торговли и для приглашения от- таль депутации к Высочайшему Двору». На 3000 рублей Мамедяров должен был закупить в Омске русские товары для продажи или «про- менивая оних таким образом, чтобы по возвращении из комавди- ровки казна могла выручить сумму ему выданную, хотя несполна, но без чувствительного отягощения»¹⁷.

При выполнении этого поручения Глазнев использовал кабуль- ского жителя Мехти Рафаилова, который ходил «с купеческим кара- ваном» в Тибет. По возвращении из Тибета Рафаилов доставил много сведений «способствующих к открытию торговли». За эту деятель- ность в 1817 г. афганский купец Рафаилов был «всемилистивейше по- жалован Коммерции Советником».

В свою очередь кабульскому купцу Мехди Рафаилову в его поездке в Тибет и обратно помогал торгующий более 20 лет на Сибирских лини- ях 3-й гильдии купец Хамит Амиров. Пользуясь доверием своих знако- мых «Солтанов, Биев и Старшин», Амиров оказал Рафаилову помощь и способствовал успешному «исполнению сделанного ему поручения». За эти и, по-видимому, другие заслуги Глазнев обратился в Азиатский департамент Коллегии иностранных дел о награждении Хамита Ами- рова «золотой медалью на Аннинской ленте для ношения на шее»¹⁸.

В 1820–1821 гг. в составе дипломатической миссии А.Ф. Негри из Оренбурга в Бухару выехал Е.К. Мейендорф. Целью посольства было ведение переговоров с бухарскими властями о расширении торгов- ли, развитии русско-бухарских экономических связей и укреплении политической позиции России в ханстве. Кроме того, члены миссии должны были собрать материалы о природных ресурсах, правителях среднеазиатских ханств, об их отношениях между собой, в том числе с Афганистаном, Ираном и другими странами региона, об европейских товарах, в которых «имеют там нужду», откуда их получают, о воз- можностях судоходства на Амударье и Сырдарье и проч.

В своем «Путешествии» Е.К. Мейендорф сообщает разнообраз- ные сведения, касающиеся Афганистана и афганцев, собранные им на основании бесед с различными странниками, купцами и паломниками, приводит подробное описание пути из Бухары в Герат и из Балха в Ка- бул, сообщенного ему афганским купцом, более 30 раз прошедшим по нему с караваном¹⁹.

Царские власти пытались наладить прямые контакты с Афгани- станом и в 30–50 гг. XIX в. Это было время, когда Великобритания, завоевав Индию, стремилась прочно утвердиться в Синде и Пенджа-

бе, а если удастся и в Афганистане. Осуществлению этих устремлений англичан способствовали внутренние неурядицы в Афганистане, где на рубеже XVIII-XIX вв. происходила междинастийная борьба за трон. Англичане все активнее стали вмешиваться в афганские дела. Прежде всего, они не допустили союза между шахом Афганистана Заманом (1793–1801) и правителем непокорного южноиндийского княжества Майсур Типу Султаном (1782–1799), ибо этот союз, если бы он был создан, мог угрожать их владычеству в Индии. Они поддержали соперника Заман шаха, его брата Махмуда, который и взошел на афганский трон (1801–1803). Вскоре, однако, он был смещен его же младшим братом Шуджа ал-Мульком (1803–1809), при котором состоялись первые официальные англо-афганские контакты. В 1809 г. к шаху Шуджа ал-Мульку в Пешавар прибыла миссия Ост-Индской компании во главе с видным деятелем колониальных властей Индии М. Эльфинстоуном. Целью миссии было заключить договор с правителем Афганистана и предотвратить возможный союз его с наполеоновской Францией. Афганский падишах охотно пошел на сближение с англичанами, по-видимому, из-за возможности для себя опереться в будущем на их помощь в борьбе за престол, и таким образом был заключен первый в истории англо-афганский договор. Однако этот договор не был долговечным. В том же году Шуджа был смещен Махмудом (1809–1818). Наполеон более не помышлял о походе на Индию, а необходимость в союзе с Афганистаном в тот конкретный период отпала для англичан. Они были заняты в Индии покорением маратхов, а между индийскими владениями англичан и Афганистаном лежало мощное Сикхское государство Ранджита Сингха (1780–1839), и пока Лондон не мог помышлять об утверждении своего влияния в Афганистане.

К концу правления Махмуда в Афганистане разгорелась феодальная усобица между кланами Садозаев и Баракзаев племени абдали, и страна распалась на ряд независимых феодальных владений. Ослаблением Афганистана воспользовались сикхи и захватили сначала Мультиан (1818), находившийся под сюзеренитетом Афганистана, затем Кашмир (1819) и заявили свою претензию на Пешавар. Вскоре, однако, на политической арене Афганистана появилась сила, способная объединить страну, это был первый представитель династии Баракзаев Дост Мухаммад-хан (1826–1863). В 1826 г. он стал самостоятельным правителем крупного афганского княжества Кабул, а в 1833 г. — подчинил Джалалабад. Но в борьбе за Пешавар он встретил упорное сопротивление со стороны сикхов, которые в 1834 г. овладели этим городом.

Не желая мириться с потерей Пешавара, Дост Мухаммад-хан стал искать поддержки иностранных государств в урегулировании отношений с сикхами. В 1836 г. он направил послов к генерал-губернатору Индии лорду Окленду, а также в Иран и в Россию к царю Николаю I (1825–1855).

Усиление власти Кабула препятствовало экспансионистской политике Великобритании. В ответе Окленда афганскому эмиру говорилось, что Великобритания не вмешивается в дела других государств, но для обсуждения вопросов торговли он может прислать в Кабул своего представителя²⁰. В сентябре 1837 г. в Кабул прибыла британская «торговая» миссия во главе с А. Бернсом. Члены миссии разъехались в разные районы страны и начали собирать сведения военно-политического, экономического и этнографического характера, подробно изучая при этом топографические и прочие особенности страны. Кроме того, Окленд заверил эмира, что если он порвет связи с другими иностранными державами и обещает впредь не вступать с ними в контакты без санкции на то Великобритании, то она предпримет некоторые шаги перед правителем Лахора, чтобы оградить владения эмира от возможных нападений²¹.

Параллельно развивались афгано-русские контакты. В конце сентября 1834 г. афганский посланец сардар Хаджи Хусейн Али прибыл в Ленкорань с намерением отправиться в Петербург. Однако наместник Кавказа барон Розен подверг сомнению официальный характер афганской миссии, поскольку у посланника не оказалось необходимых бумаг, подтверждавших его статус. О приезде афганских посланцев Розен известил министра иностранных дел России К.В. Нессельроде. Последний доложил царю. Царские власти сочли выгодным для России расширение торговых отношений с Афганистаном и посланнику было разрешено прибыть со свитой в Петербург. Причем прием афганцев должен был проходить со всей осторожностью и осмотрительностью и без особой огласки, чтобы «не встревожить бдительную недоверчивость иноземцев и в особенности Английского правительства»²². Власти намеревались также по возвращении афганцев на Родину отправить с ними в Кабул российского подданого муллу Сулейманова для укрепления торговых отношений. Тем временем афганский посланник предпочел вернуться в Кабул за соответствующими документами.

В конце апреля 1836 г. направленные в Россию афганские послы Хаджи Хусейн Али и Мирза Мухаммад прибыли в Оренбург, имея грамоту эмира Дост Мухаммад-хана на имя царя. Оренбургскому генерал-

губернатору В.А. Перовскому было вручено письмо первого афганского сановника Абдус-Самад-хана. В письме высказывалось стремление кабульских властей к установлению дружественных отношений с Россией и просьба оказать содействие против Шуджи, который «крепко соединился с англичанами»²³.

Оренбургский губернатор выслушал послов, расспросил их о делах в Афганистане, после чего полученные сведения отослал в МИД графу Нессельроде. В письме Перовский приводил свои доводы в пользу целесообразности поддержки Дост Мухаммада. Афганцы стали дожидаться ответа из Петербурга.

Перовский полагал, что России не выгодно, если сикхи захватят Афганистан, так как «земля опустошится и исчезнут надежды наши на торговые отношения с этой страной». Если же бывшему шаху Шудже удастся завладеть Афганистаном, а за его спиной стоят англичане, то это приведет к подчинению Афганистана Ост-Индской компанией. Тогда англичанам «остается до самой Бухары один только шаг — и вся Средняя Азия у них в руках»²⁴. А это было опасно для России, как он считал, ибо в таком случае обострилась бы торгово-экономическая и политическая ситуация в регионе.

После получения соответствующих санкций, афганская миссия была отправлена в Петербург. Двумя днями позже отбыл в Петербург и поручик И.В. Виткевич²⁵, представленный Перовским в качестве сопровождающего, поскольку он свободно владел «татарским и персидским» языками.

В начале июля миссия благополучно прибыла в Петербург. Официальные власти Петербурга приняли афганских посланцев с известной осторожностью, не желая вызвать подозрение Лондона о вмешательстве в дела стран Среднего Востока. Посланец Кабула передал в МИД России грамоту эмира. В ней говорилось о внутривнутриполитическом положении Афганистана, о враждебном отношении к эмиру Садозаев, прежних правителей страны, покровительствуемых англичанами и махараджей Пенджаба. Эмир выражал надежду получить содействие и покровительство со стороны России. Хаджи Хусейн Али встречался с главой Азиатского департамента К.К. Родофиникиным,

В Петербурге, однако, выражали сомнения в подлинности афганской миссии. Власти запросили Перовского тщательно выяснить данные о личности Хусейна Али, чтобы исключить возможные козни со стороны англичан (а не является ли он английским агентом?). Перовский отверг подозрения властей, подтвердив подлинность грамоты

и сообщил, что Хуссейн Али действительно является посланцем Дост Мухаммад-хана.

Официальный Петербург решил все же по возможности не допустить англичан овладеть Афганистаном и попытаться оградить правителей Кабула и Кандагара «от притязаний англичан и Ранджит Синга». В Кабул был направлен поручик Виткевич, которому предписывалось содействовать примирению Дост Мухаммада с его братьями, правителями Кандагара. Виткевич должен был убедить их, что они смогут устоять перед внешними врагами при условии согласия между собой и под протекторатом Ирана, ибо «Россия по дальности расстояния не может оказать им действительной помощи, но тем не менее, принимает в них искреннее участие и всегда будет через посредство Персии оказывать дружеское за них заступление»²⁶.

В мае 1837 г. Хуссейн Али и Виткевич выехали из Петербурга в Кабул, но в пути афганский посланник заболел и Виткевич, оставив его в Москве на попечение местных властей, продолжил путь через Тифлис в Тегеран. В Тегеране он получил дополнительные инструкции от полномочного представителя России в Персии И.О. Симонича и отбыл в Кандагар через Хорасан и Систан. 16 ноября он был в Кандагаре, а через десять дней выехал в Кабул²⁷.

7 декабря 1837 г. Виткевич прибыл в Кабул и вручил послание царя эмиру Дост Мухаммад-хану. Виткевичу в целом удалось выполнить возложенную на него миссию. Он смог примирить эмира с его кандагарскими братьями и договориться о расширении торговли между Россией и Афганистаном. Кроме того, он обещал эмиру содействие России в деле возвращения Пешавара.

Англичане пристально следили за переговорами российского представителя в Афганистане через своего посланника в Кабуле А. Бернса, с которым не раз встречался Виткевич. В парламенте и в прессе Англии была поднята шумиха с обвинением России в замыслах «угрожающих безопасности британских владений в Азии»²⁸. Царское правительство, стремившееся достичь взаимопонимания с Великобританией в политике, касающейся Османской империи, не было заинтересовано в обострении отношений с Лондоном и не воспользовалось успешным исходом переговоров Виткевича в Афганистане. Более того, оно отозвало Симонича из Тегерана, а Виткевича — из Кабула «за превышение своих полномочий в афганском вопросе».

В мае 1838 г. Виткевич вернулся в Тегеран, а в марте 1839 г. из Тавриза отправился в Россию. С собой он вез путевые дневники, отчеты,

топографические съемки и планы городов и крепостей Восточной Персии и Афганистана — бесценный материал, которому так и не суждено было стать достоянием мировой науки. В апреле Виткевич после почти двухлетнего пребывания на Востоке возвратился в Петербург. Он был принят в военном ведомстве и министром иностранных дел, ему было объявлено о скорой аудиенции с царем, предстоящем награждении и присвоении очередного воинского звания. Однако накануне представления государю Виткевич был найден застреленным в своем номере гостиницы «Париж» на Большой Морской улице, где он проживал. Все бумаги, привезенные им из далекого путешествия, исчезли. Причины и мотивы его самоубийства до сих пор остаются загадкой. Хорошо знавший путешественника Н.В. Ханьков свидетельствовал, что в описи вещей «застрелившегося» офицера почему-то не значился пистолет²⁹.

Оправдываясь перед Лондоном, глава внешнеполитического ведомства Нессельроде убеждал англичан, что русский посланник был направлен в Афганистан исключительно для сбора сведений о торговле и в ответ на обращение к царю эмира Дост Мухаммад-хана. Но англичане не приняли подобных объяснений и вскоре развязали первую англо-афганскую войну (1838–1842), стоившую Афганистану огромных жертв.

Почти одновременно с Виткевичем (апрель 1839 г.) в Афганистан по заданию корпуса горных инженеров был направлен Е.П. Ковалевский. Целью экспедиции являлся сбор сведений о торговле Бухары с Кабулом и возможности установления торговли России с Афганистаном через Бухару. В задачу путешественника входило также исследование минеральных богатств Бухарского края, судоходства на реках и местного населения.

Сведения, собранные путешественником, раскрывают малоизвестные страницы англо-афганской войны 1838–1842 гг. Он с симпатией пишет о борьбе афганцев за национальную независимость против вторжения англичан³⁰.

Маршрутами Виткевича частично прошел офицер Генерального штаба И.Ф. Бларамберг³¹, который был направлен в 1838 г. в Герат в составе группы военных советников. Материалы, связанные с осадой Герата, нашли отражение в его подробном донесении «Осада города Герата, предпринятая персидской армией под предводительством Магомед-шаха в 1837 и 1838 гг.»³¹. К этому же периоду относятся его аналитические работы: «Взгляд на современные события в Афганистане», «Сведения о Хоросане, Четырех Оймаках, Гезаре, узбеках,

Сеистане, Белуджистане, Афганистане». Вышедшие позднее в Берлине в 1872–1875 гг. «Воспоминания» И.Ф. Бларамберга в 3-х томах содержат материал, посвященный его путешествию по Афганистану³².

Суммируя, можно сказать, что, несмотря на то, что с конца XV — начала XVI вв. Россия имела эпизодические торгово-экономические и политические контакты с Афганистаном, изучения сопредельного с владениями Российской Империи государства проводилось достаточно серьезно. В дальнейшем во второй половине XIX в., создав Туркестанское генерал-губернаторство, Россия активизировала свою внешнюю политику на южных рубежах Империи, что непосредственно отразилось и на контактах с соседним Афганистаном. В этот период в силу своего геополитического положения Афганистан все больше становится объектом противостояния двух соперничавших в регионе стран России и Англии. Подобная ситуация, естественно, требовала более пристального внимания и досконального изучения этой соседней страны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (академик И.М. Стеблин-Каменский)	4
От авторов	6
 Часть первая. Россия и Афганистан: пути к сближению	
Глава I. Из истории российско-афганских отношений	10
Глава II. Изучение Азии в военном ведомстве Российской империи	23
Глава III. Афганские маршруты российских миссий и экспедиций	39
Глава IV. Вклад русских военных востоковедов в изучение Афганистана	52
Глава V. Афганская армия глазами русских офицеров	77
 Часть вторая. Афганистан в документах и материалах русских военных исследователей	
I. Географическое описание края, населенные пункты и пути сообщения	88
II. Население, его занятия, быт, нравы, обычаи	204
III. Особенности политической жизни	263
IV. Вооруженные силы	293
Примечания	311
Библиография	353

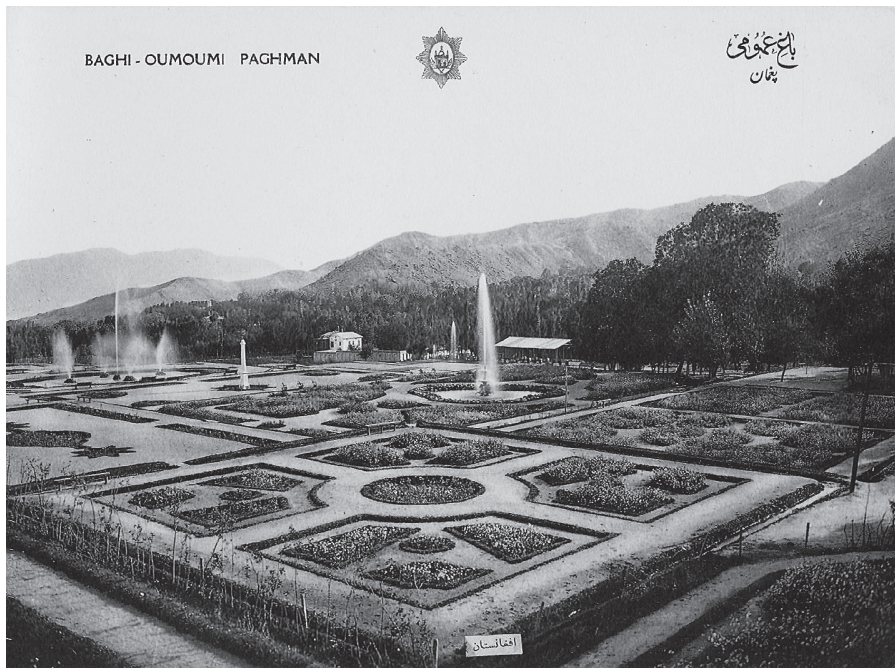

Шахский сад. Джелалабад

BAGHI - OUMOUMI PAGHMAN

باغ عمومی پغمان

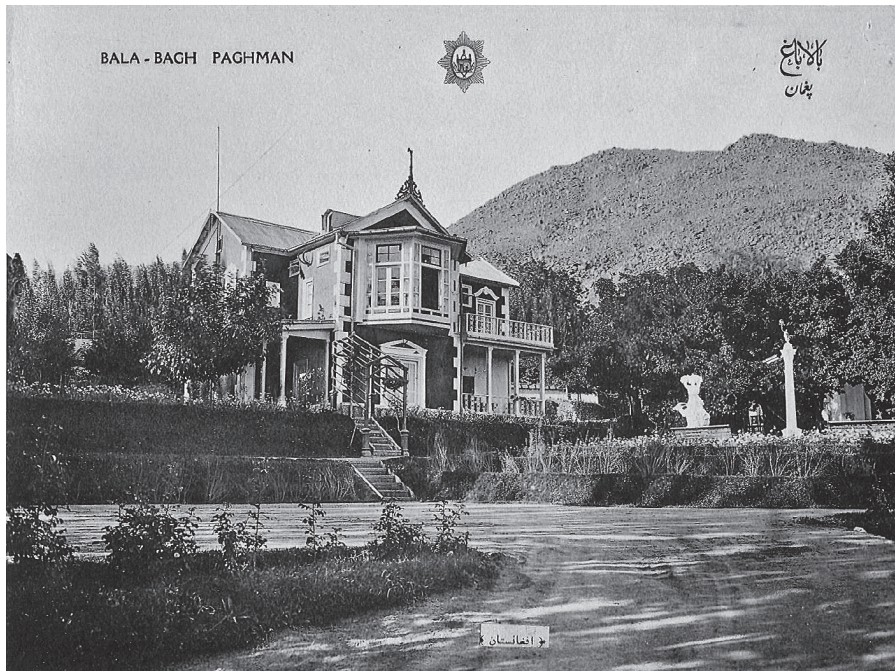

Общественный парк в Пагмане

BALA - BACH PACHMAN

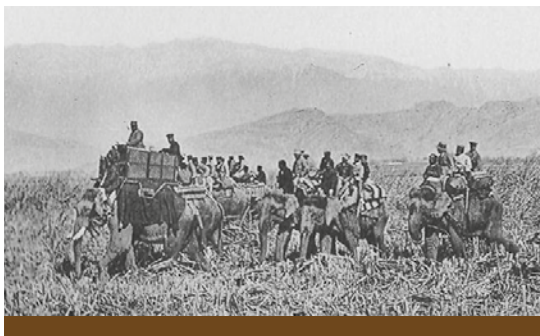
بالا باغ
پاچمان

Верхний парк. Пагман

Афганистан – особый ареал, к которому Россия всегда проявляла большой интерес. Первопроходцами в деле изучения соседней страны и установления с ней дружественных контактов были преимущественно русские военные. Им принадлежит заслуга в многоплановых исследованиях неведомого ранее края. Собранный военными востоковедами богатейший географический, исторический и этнографический материал об Афганистане по сегодняшний день представляет большую научную и познавательную ценность.

ISBN 978-5-4469-2038-9

9 785446 920389